38	057-1,2	КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ	"Чёт и нечет"	Часть 1 "Зарница"
39	057-3,4	КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ	"Чёт и нечет"	Часть 2 "В метели"

РАЗГОВОР С БАЛЬМОНТОМ
(ЦИКЛ IV) «**ЧЁТ И НЕЧЕТ**»

Тайному соавтору посвящается

От собеседника

Сама судьба поэта Константина Бальмонта, так откровенно и точно отраженная в его стихах, является наилучшим примером колебания между белыми и черными полосами, как и у других символистов, создающих творческое топливо из своей собственной жизни.

"Чет и нечет" - на протяжении всей жизни человека кидает из стороны в сторону, из пламени в воду, с вершины в пропасть, от любви к ненависти и т. д. Его самооценка событий, происходящих с ним, колеблется между чёт и нечет, между "зачет" и "незачет". Чем больше первое превзойдет второе, тем успешнее подведутся итоги всего пути.

"Зарница" - небольшой проблеск, маяк в темноте, которого за неимением постоянного источника света вполне хватает, чтобы ориентироваться в пространстве и не сбиться с намеченной цели.

"В метели" - одинокое движение человека, осознавшего, что выбранное жизненное направление придется преодолеть одному, и эту дорогу иначе, как преодоление тяжелых природных ненастий не назовешь.

Ваш Станислав Коренблит

ЧАСТЬ I «ЗАРНИЦА»

1. Чёт и нечет - 1.42
2. Избраннику - 1.17
3. Чёлн томленья - 1.06
4. Зарница - 1.35
5. Память - 0.43
6. Фантазия - 2.55
7. Тоскующие звуки - 1.59
8. Я заснул - 1.41
9. Тень - 1.31
10. Девичья тоска - 0.50
11. Я знаю - 2.16
12. Голубые глаза - 1.36
13. Неверная душа - 1.27
14. Ресницы - 1.15
15. Белладонна - 1.30
16. Рабство - 1.21
17. На разных языках - 1.05
18. Отцвели - 2.11
19. Оазис - 1.40
20. Я был - 1.03
21. Из-под северного неба - 1.55
22. Мужская плата - 0.51

Общее время звучания - 33.29

Общее время звучания - 66.43

СОДЕРЖАНИЕ

1. **ЧЁТ И НЕЧЕТ**

Утром рано,
Из тумана,
Солнце выглянет для нас.
И осветит,
И заметит
Всех, кто любит этот час.

Ночью скучно,
Однозвучно,
Упадает звон минут.
О минувшем,
Обманувшем
Их напевы нам поют.

Точно с крыши,
Тише, тише,
Капли падают дождя.
Все прольются,
Не вернутся,
Этот темный путь пройдя.

Звук неясный,
Безучастный,
Панихиды нам поет.
"Верьте, верьте
Только смерти!
Чет и нечет! Нечет, чет!"

"Чет счастливым
И красивым,
Слабым нечет, недочет!
Но, редея,
Холодея
Чет и нечет протечет!"

Звук неясный,
Безучастный,
Ты поешь, обман тая.
Нет, не верю,
И в потерю
Смысл иной влагаю я.

Верьте, верьте
Только смерти
Нас понявшего Христа!
Солнце встанет,
Не обманет,
Вечно светит красота!

Цель страданья,

Ожиданья,
Всем нам светлый даст отчет.
В мир согласный,
Вечно ясный,
Чет и нечет вас влечет.

2. ИЗБРАННИКУ

Отчего так бесплодно в душе у тебя
Замолкают созвучья миров?
Отчего, не любя ни других, ни себя,
Ты печален, как песня без слов?

Ты мечтой полусонной уходишь за грань
Отдаленных небесных глубин.
Пробудись и восстань, и воздушную ткань,
Развернув, созерцай не один.

О, раскрой перед нами узоры мечты,
Разгоревшейся в сердце твоем!
Покажи нам черты сверхземной красоты,
Мы полюбим ее и поймем!

Те же мысли у каждого дремлют в тиши,
И мгновенья заветного ждут.
О, приди, поспеши, и для каждой души,
От созвучья, цветы расцветут.

Мы ответим как Море на ласку Луны,
А не вражеским криком врагу: -
Мы как брызги волны из одной глубины,
Мы умрем на одном берегу!

3. ЧЁЛН ТОМЛЕНЬЯ

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется.
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Чёлн томленья, чёлн тревог,
Бросил берег, бьётся с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря веет в бездне вод.

4. ЗАРНИЦА

Как в небесах, объятых тяжким сном,

Порой сверкает беглая зарница,
Но ей не отвечает дальний гром, -

Так точно иногда в уме моем
Мелькают сны, и образы, и лица,
Погибшие во тьме далеких лет, -

Но мимолетен их непрочный свет,
Моя душа безмолвна, как гробница,
В ней отзыва на их призывы нет.

5. ПАМЯТЬ

Память, это луч небесный
Тем, кто может вспомнить счастье,
Тем, кто может слить начало
С ожидавшимся концом,

В жизни может быть и тесной,
Но исполненной участья,
Где любовь Судьбу встречала
С вечно-радостным лицом.

Память, это совесть темных,
Память, это бич небесный,
Память, это окрик судный
Для неверивших в Судьбу,
Лик Владельца дней заемных,
Вид улик в игре бесчестной,
Сон заснувших в сказке чудной
И проснувшихся - в гробу.

6. ФАНТАЗИЯ

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей и берез;
Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск Луны приемлет
И роптанью ветра внемлет, весь исполнен тайных грез.
Слыша тихий стон метели, шепчут сосны, шепчут ели,
В мягкой бархатной постели им отрадно почивать,
Ни о чем не вспоминая, ничего не проклиная,
Ветви стройные склоняя, звукам полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное моленье,
И тоска, и упоенье, - точно искрится звезда,
Точно светлый дождь струится, - и деревьям что-то мнится,
То, что людям не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи,
В час глубокий полуночи мчатся духи через лес.
Что их мучит, что тревожит? Что, как червь, их тайно гложет?
Отчего их рой не может петь отрадный гимн Небес?

Все сильней звучит их пенье, все слышнее в нем томленье,
Неустанного стремленья неизменная печаль, -
Точно их томит тревога, жажда веры, жажда Бога,
Точно мук у них так много, точно им чего-то жаль.
А Луна все льет сиянье, и без муки, без страданья,

Чуть трепещут очертанья вещих сказочных стволов;
Все они так сладко дремлют, безучастно стонам внемлют,
И с спокойствием приемлют чары ясных светлых снов.

7. ТОСКУЮЩИЕ ЗВУКИ

Он спит или не спит? Он бодрствует иль нет?
Он вечно в сумерках, в мельканиях дремоты.
Сгущается ли тьма, иль блеск есть позолоты,
В его уме всегда царит неясный бред.
Воспоминания давно ушедших лет,
Нежнейшей песнею пронзенные темноты,
Полупроснувшийся, чуть слышный шепот: "Кто ты?"
Лобзанья тайного неуловимый след.
С внезапною мольбой протянутые руки,
Касанье нежного любимого лица,
Полупрозрачный сад, журчанье без конца.
Освобожденный вздох окончившейся муки.
Возникший круг Луны, как круг златовенца,
И тихой жалобы тоскующие звуки.

8. Я ЗАСНУЛ

Я заснул на распутьи глухом.
В высоте, на небесные кручи,
Поднимались тяжелые тучи.
Это было не ночью, а днем.

Я лежал на избитом пути,
На краю много знавшей дороги.
Здесь и люди, и звери, и боги
Проходили, чтоб что-то найти.

Я дремал, как живой, но мертвец,
Как умерший, но чающий жизни.
И, отдавшись душой укоризне,
Задремал я как труп наконец.

И тогда мне явилась она,
Та, кого я и прежде, неясно,
Так любил, безнадежно, безгласно,
Как любить нам велела - Луна.

Надо мною бесплотная тень,
Наклоняя воздушное тело,
Ближе быть, дальше быть, не хотела.
И погас утомительный день.

Все смешалось в сомкнувшейся мгле.
Я мечтал - да, как все - о святыне.
И как труп я покоюсь доныне
На избитой шагами земле.

9. ТЕНЬ

Ты в жизни проходишь безучастною тенью,
И вечно опущен твой взор.
Ты сердцем уходишь к неземному селенью,

Уж там - с незапамятных пор.

Тебя повстречал я на великой дороге,
Ведущей в безвестную даль.
И мне показалось - мы стоим на пороге,
Чего-то обоим нам жаль.

И мне показалось, - и, быть может, обманно,
Быть может, с правдивостью сна, -
Друг другу мы близки, так воздушно и странно,
Так нежно ты мне суждена.

Мы думали оба, и мы оба молчали,
Но вдруг приподнявши свой взор,
Ты молча сказала о предвечной печали,
Я друг твой, я брат твой с тех пор.

И если б была ты не бесстрастною тенью,
И если б не сказкой был сон,
Я отдал бы сердце роковому томленью,
Но в сказку, я в сказку влюблен.

10. ДЕВИЧЬЯ ТОСКА

Я тоскую. Тоскую.
Он один. Я одна.
Можно ль душу родную
Нам измерить до дна?

Я скучаю. Скучаю.
Он уходит в простор.
Как ребенка, качаю
Я лишь взором свой взор.

Я немею. Немею.
Он один. Я одна.
Меж душою моею
И его - глубина.

Я тоскую. Тоскую.
Кто бы ни был, приди.
Только б грудь мне другую
Знать на этой груди.

11. Я ЗНАЮ

Я знал, что, однажды тебя увидав,
Я буду любить тебя вечно.
Из женственных женщин богиню избрав,
Я жду - я люблю - бесконечно.

И если обманна, как всюду, любовь,
Любовью и мы усладимся,
И если с тобою мы встретимся вновь,
Мы снова чужими простимся.

А в час преступленья, улыбок, и сна

Я буду - ты будешь - далеко,
В стране, что для нас навсегда создана,
Где нет ни любви, ни порока.

12. ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

- Отчего у тебя голубые глаза?
- Оттого, что, когда пролетала гроза,
Были молнии рдяны и сини,
Я смотрела на пляску тех синих огней,
И на небо, что все становилось синей,
А потом я пошла по пустыне,
Предо мной голубел и синел зверобой,
Колокольчик сиял и звенел голубой,
И пришла я в наш дом на ступени,
А над ними уж ночь, голубея, плыла,
И Весна королевой лазури была,
И душисто синели сирени.

13. НЕВЕРНАЯ ДУША

У нее глаза морского цвета,
И живет она как бы во сне.
От весны до окончанья лета
Дух ее в нездешней стороне.

Ждет она чего-то молчаливо,
Где сильней всего шумит прибой,
И в глазах глубоких в миг отлива
Холодеет сумрак голубой.

А когда высоко встанет буря,
Вся она застынет, внемля плеск,
И глядит как зверь, глаза прищуря,
И в глазах ее зеленый блеск.

А когда настанет новолунье,
Вся изнемогая от тоски,
Бледная влюбленная колдунья
Расширяет черные зрачки.

И слова какого-то обета
Все твердит, взволнованно дыша,
У нее глаза морского цвета,
У нее неверная душа.

14. РЕСНИЦЫ

На глаза, утомленные зреньем, опусти затененьем ресницы.
Разве день пред дремотой не стелет над землею по небу зарю?
Разве год пред зимой не бросает по деревьям пролет огневицы?
Разве долго не кличут к раздумью - журавлей, в высоте, вереницы?
Разве совесть в свой час не приникнет с восковою свечой к алтарю?
Мы прошли тиховейные рощи. Мы прочли золотые страницы.
Мы рассыпали нитку жемчужин. Мы сорвали цветок медуницы.
Усмирись, беспокойное сердце. Я костром до утра догорю.

15. БЕЛЛАДОННА

Счастье души утомлённой -
Только в одном:
Быть как цветок полусонный
В блеске и шуме дневном,
Внутренним светом светиться,
Всё позабыть, и забыться,
Тихо, но жадно упиться
Тающим сном.

Счастье ночной белладонны -
Лаской убить.
Взоры ее полусонны,
Любо ей день позабыть,
Светом Луны расцвечаться,
Сердцем с Луною встречаться,
Тихо под ветром качаться,
В смерти любить.

Друг мой, мы оба устали.
Радость моя!
Радости нет без печали,
Между цветами - змея.
Кто же с душой утомленной,
Вспыхнет мечтой полусонной
Кто расцветет белладонной, -
Ты или я?

16. РАБСТВО

Ты льнешь ко мне, как гибкая лоза,
И все твои движения красивы,
Твоих волос капризные извивы
Пышнее, чем полночная гроза.

Настолько же прекрасны, как и лживы,
Глубокие спокойные глаза,
Где искрится притворная слеза,
Где видны сладострастные порывы.

Тот будет твой безвольный раб всегда,
Кого ты отравила поцелуем,
В нем прошлое погибнет без следа,

В нем вечно будет жгучая вражда
К тому, чем прежде был он так волнуем,
К святыне, что погасла, как звезда.

17. НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Мы говорим на разных языках.
Я свет весны, а ты усталый холод.
Я златоцвет, который вечно молод,
А ты песок на мертвых берегах.

Прекрасна даль вскипающего моря,
Его простор играющий широк.

Но берег мертв. Измыт волной песок.
Свистит, хрустит, с гремучей влагой споря.

А я живу. Как в сказочных веках,
Воздушный сад исполнен аромата.
Поет пчела. Моя душа богата.
Мы говорим на разных языках.

18. ОТЦВЕЛИ

Отцвели - о, давно! - Отцвели орхидеи, мимозы,
Сновиденья нагретых и душных и влажных теплиц.
И в пространстве, застывшем, как мертвенный цвет туберозы,
Чуть скользят очертанья поблекших разлюбленных лиц.

И бледнеют, и тонут в душе, где развалины дремлют,
В этой бездне, где много, где все пробегает на миг,
В переходах, где звукам их отзвуки, вторя, не внемлют,
Где один для меня сохранился немеркнущий лик.

Этот образ - в созвучии странном с душою моею,
В этом лике мы оба с тобою узнаем себя,
О, мечта, чьей улыбки ни ждать, ни желать я не смею,
Но кого я люблю, но кого вспоминаю, любя.

Я люблю с безупречною нежностью духа и брата,
Я люблю, как звезду отдалённую любит звезда,
Как цветок, что ещё не растратил в душе аромата,
Я с тобой - я люблю - я с тобой - разлучен - навсегда.

19. ОАЗИС

Ты была как оазис в пустыне,
Ты мерцала стыдливой звездой,
Ты Луною зажглась золотой,
И тебе, недоступной богине,
Отдавал я мечту за мечтой.

Я решился в желании смелом
По кремнистой дороге идти
И не медлить нигде на пути,
Ты казалась мне высшим пределом,
За который нельзя перейти.

И потом... О, какое мученье!
К недоступному доступ найден.
Я как жалкий ребенок смущен.
Где любовь, где восторг упоенья?
Все прошло, ускользнуло, как сон.

Я мечты отдавал не богине,
Ты все, ты - земля на земле,
Я один в удушающей мгле.
Я очнулся в бесплодной пустыне,
Я проснулся на жесткой скале.

20. Я БЫЛ

Я был вам звенящей струной,
Я был вам цветущей весной,
Но вы не хотели цветов,
И вы не расслышали слов.

Я был вам призывом к борьбе,
Для вас я забыл о себе,
Но вы, не увидев огня,
Оставили молча меня.

Когда ж вы порвали струну,
Когда растоптали весну,
Вы мне говорите, что вот
Он звонко, он нежно поет.

Но если еще я пою,
Я помню лишь душу мою,
Для вас же давно я погас,
Довольно, довольно мне вас.

21. ИЗ-ПОД СЕВЕРНОГО НЕБА

Из-под северного неба я ушел на светлый Юг.
Где звучнее поцелуи, где пышней цветущий луг.
Я хотел забыть о смерти, я хотел убить печаль,
И умчался беззаботно в неизведанную даль.

Отчего же здесь на Юге мне мерещится метель,
Снятся снежные сугробы, тусклый месяц, сосны, ель?
Отчего же здесь на Юге, где широк мечты полет,
Мне так хочется увидеть воды, убранные в лед?

Да, не понял я, не понял, что с тоскливою душой
Не должны мы вдаль стремиться, в край волшебный и чужой!
Да, не понял я, не понял, что родимая печаль
Лучше, выше, и волшебней, чем чужбины ширь и даль!

Полным слез, туманным взором я вокруг себя гляжу,
С обольстительного Юга вновь на Север ухожу.
И как узник, полюбивший долголетний мрак тюрьмы,
Я от Солнца удаляюсь, возвращаясь в царство тьмы.

22. МУЖСКАЯ ПЛАТА

Когда я был мальчиком, маленьким, нежным,
Был кроток мой взор и глубок.
Ты знаешь, что утром, пред Морем безбрежным
Горит золотистый песок?

Когда я был юношей, робким и странным,
Я вечной был полон тоской,
Ты знаешь, что вечером, в свете туманном,
Русалки поют над рекой?

Когда я стал страстным, желанным и властным,
Целую я всех на пути.

Ты знаешь, что ночью, в тумане неясном,
Так страшно, так страшно идти?